

И.Н.ХРАПУНОВ

ДВЕ ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НЕЙЗАЦ В КРЫМУ

Могильник Нейзац расположен в Центральном Крыму, на правом берегу реки Зуя, вблизи плотины Балановского водохранилища. Памятник был открыт в 1927 г., когда Н.Л.Эрнст доследовал разрушенные крестьянами склепы. В 1957 и 1969 годах еще три склепа изучила экспедиция Института археологии АН УССР. Из предметов погребального инвентаря опубликованы лишь серебряная бляха с сарматским знаком, несколько керамических и стеклянный сосуды (1, с.86, рис.14е; 2, с.73-79; 3).

В течение 1996-1997 гг. на территории некрополя раскопано 66 погребальных сооружений, в том числе 14 склепов, 26 подбойных могил, 2 могилы "с заплечиками", 22 грунтовые могилы (одна из них перекрыта плитами, в другой похоронили коня) и 2 могилы уникальных конструкций. Наиболее ранние захоронения были совершены во второй половине II или начале III в.н.э., самые поздние — около середины IV в.н.э. (4; 5; 6).

Ниже публикуются результаты исследования двух грунтовых могил. Они перекрыты культурным слоем, содержащим многочисленные обломки амфор, краснолаковых и лепных сосудов. Все датруемые находки из слоя относятся к IV в.н.э.

Могила № 27 (рис. 1,1) овальная в плане, ориентирована с запада на восток. Ее размеры 2,05 x 0,55 м, глубина 1,3 м. В длинных стенках могилы, на высоте 0,7 м от дна вырублены пазы. В южной стене паз начинался от юго-восточного угла могилы. Его длина 0,85 м, высота 0,2 м, глубина 0,25 м. В северной стене паз начинался у северо-восточного угла. Он сохранился на протяжении 1,5 м.

На дне могилы находился десятисантиметровый слой земли, на котором совершено захоронение. Погребенный положен на левый бок, головой на восток. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте почти под прямым углом, позвоночник изогнут вследствие болезни (см. Приложение). Обнаружено три бусины: между берцовыми костями — стеклянная (рис. 1,1:1; 2,37), на месте груди — меловая (рис. 1,1:2; 2,36), у нижней челюсти — халцедоновая (рис. 1,1:4; 2,35). На левой плечевой кости лежала плохо сохранившаяся железная фибула (рис. 1,1:3; 2,34). На бедренные кости погребенного были положены череп и многие другие кости ребенка, но не весь скелет и не в правильном анатомическом порядке.

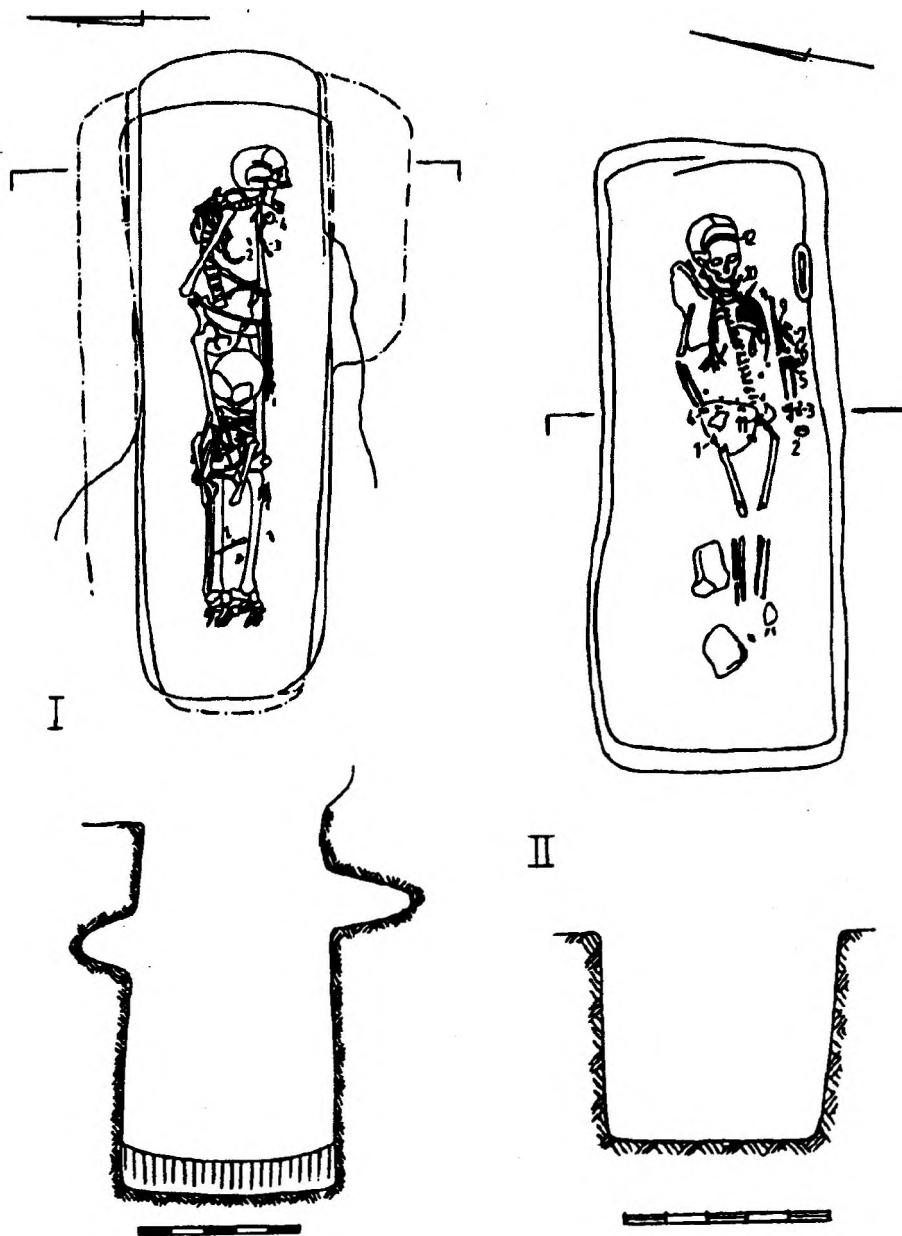

Рис. 1. I - план и разрез могилы № 27 (1 - бусина стеклянная; 2 - бусина меловая; 3 - фибула железная; 4 - бусина халцедоновая)

II - план и разрез могилы № 28 (1 - кольцо бронзовое; 2 - пряслице керамическое; 3,4,7,10,11 - бусы; 5,6 - колокольчики бронзовые; 8 - фибула бронзовая; 9 - нож железный; 12 - детали головного убора бронзовые).

В заполнении могилы найдена бронзовая лучковая подвязная одночленная фибула (рис. 2,38). А.К.Амброз датировал застежки серии I варианта 4 второй половиной II, возможно, началом III в.н.э. (7, с.50). Эта датировка подтверждена последующими разработками материалов Поволжья (8, с.107; 9, с.31,44). На Северном Кавказе фибулы варианта 4 характерны для комплексов второй половины II - первой половины III в.н.э., иногда они датируются второй половиной III в.н.э., а в Абхазии — даже IV в.н.э. (10, с.167; 11, с.102-103).

Железная фибула (рис. 2,34) сильно коррозирована и деформирована, поэтому определение ее типа затруднено. По-видимому, она была шарнирной, с ленточной спинкой, сужающейся к ножке. На конце пластинчатого приемника имела кнопку или завиток. Публикуемая фибула по форме, вероятно, ближе всего застежкам Хумаринского могильника. Последние наиболее характерны для комплексов второй половины II - первой половины III в.н.э., но продолжали использоваться всю вторую половину III в.н.э. (11, с.104).

Округлые бусы из глухого белого стекла (тип 2)¹ (рис. 2,37), цилиндрические из меловой породы (тип 7) (рис. 2,36) и округлые поперечносжатые из халцедона (тип 3а) (рис. 2,35) изготавливались на протяжении практически всей античной эпохи (12, с.63; 13, с.11,29). В нашем случае бусы, судя по единичности экземпляров каждого типа и их расположению на костяке, использовались в качестве застежек-пуговиц. Такое применение бус в мужских погребениях неоднократно отмечалось при раскопках различных могильников (см. например: 14, с.78,80).

Пазы, подобные сделанным в длинных стенах могилы № 27, зафиксированы в нескольких погребальных сооружениях Нейзаца. Их назначение не ясно. Естественному предположению об использовании пазов для укрепления концов деревянного перекрытия препятствуют два обстоятельства. Во-первых, следы дерева ни в одном из них не зафиксированы. Во-вторых, в публикуемой могиле паз сделан не на всю длину южной стены.

Определенный интерес представляет ритуальное захоронение ребенка. Судя по положению костей, в могилу сложили либо именно кости, либо расчлененные части трупа. Возможно, проведение необычных обрядов было спровоцировано врожденным уродством погребенного в могиле молодого мужчины.

Могилы № 28 (рис. 1,II) находилась в 0,5 м к югу от могилы № 27. Она подпрямоугольная в плане, ориентирована с юго-запада на северо-восток. Размеры могилы 1,6 x 0,6 м, глубина — 0,55 м. Погребение совершено на пятисантиметровой земляной подсыпке, в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Правая рука согнута в локте, кисть, видимо, находилась на тазовых костях. Под правым плечом лежал плоский камень, еще два камня находились у правой ноги. У левой ступни обнаружен кусок мела.

На черепе расчищены лежавшие в ряд бронзовые пластины с загнутыми длинными сторонами — остатки головного убора (рис. 1,II:12; 2,31). На месте груди, слева лежала бронзовая фибула (рис. 1,II:8; 2,2), на левой лучевой кости — железный нож (рис. 1,II:9; 2,1), на левом локтевом суставе — два бронзовых

¹ Здесь и далее используется типология Е.М.Алексеевой.

колокольчика (рис. 1, II:5,6; 2,32,33), у левой кисти — керамическое пряслице (рис. 1, II:2; 2,6), на тазовых костях, справа — бронзовое кольцо, вероятно, с пальца правой руки (рис. 1, II:1; 2,7). У южной стены могилы, напротив черепа погребенной, обнаружена кость животного.

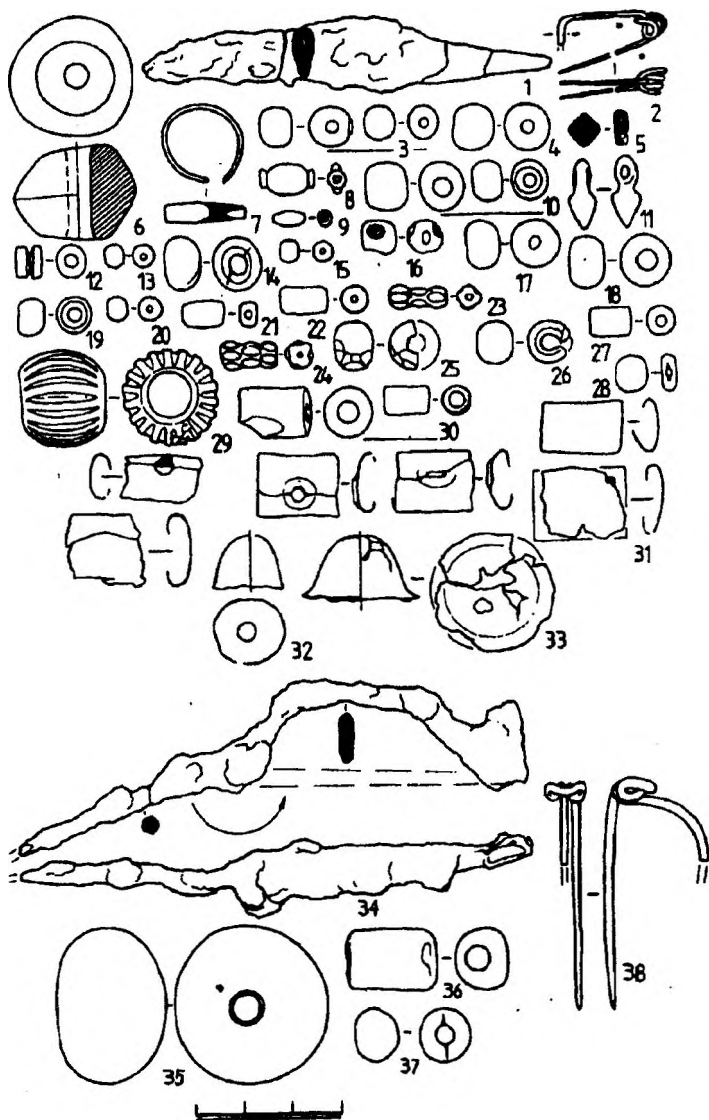

Рис. 2. Погребальный инвентарь из могил № 28 (1-33) и № 27 (34-38).

1 - нож железный; 2, 38 - фибулы бронзовые; 3, 4, 8-10, 12-28, 30, 37 - бусы стеклянные; 5 - пронизь гагатовая; 6 - пряслице керамическое; 7 - кольцо бронзовое; 11 - подвеска стеклянная; 29 - бусина из египетского фаянса; 31 - детали головного убора бронзовые; 32, 33 - колокольчики бронзовые; 34 - фибула железная; 35 - бусина халцедоновая; 36 - бусина меловая.

На месте шеи и под черепом расчищены лежавшие в ряд бусы, очевидно, от ожерелья (рис. 1,II:10). Среди них — округлые поперечносжатые из глухого белого стекла (21 экз., тип 2) (рис. 2,14) (12, с.63); округлые из синего стекла (13 экз. и фрагменты, тип 15) (рис. 2,10) (12, с.64-65); округлая из полупрозрачного красного стекла (рис. 2,26); стеклянная округлая поперечносжатая, цвет которой определить невозможно (рис. 2,15); обломок бусины из прозрачного бесцветного стекла; стеклянные пронизи с металлической прокладкой желтого цвета, комбинированные из трех плоских дисков (3 экз., тип 25) (рис. 2,8) (12, с.32); бочковидные бусы из глухого темно-синего стекла (3 экз., тип 28) (рис. 2,9) (12, с.65); подвеска в виде сосудика из прозрачного синего стекла (рис. 2,11) (12, с.74).

Бусами, судя по местам их находок, был расшит левый рукав одежды погребенной (рис. 1,II:3,7). Чуть выше уровня локтя обнаружены округлые бусы из глухого красного стекла (2 экз., тип 3) (рис. 2,18) (12, с.63); округлая бусина из глухого бирюзового стекла (тип 13) (рис. 2,17) (12, с.64); округлая бусина из глухого бирюзового стекла со слоистым желто-бирюзовым глазком (рис. 2,16); округлые поперечносжатые бусы из глухого белого стекла (3 экз., тип 2) (рис. 2,19) (12, с.63); округлая синяя бусина (рис. 2,25). На запястье находились округло-ребристая бусина из египетского фаянса бирюзового цвета (тип 16г) (рис. 2,29) (15, с.34); цилиндрические бусы из глухого белого стекла (3 экз., тип 55) (рис. 2,30) (12, с.67); пронизь в виде плоского диска из глухого красного стекла (тип 71) (рис. 2,28) (12, с.68); удлиненная бугристая пронизь из полупрозрачного белого стекла (рис. 2,24).

Бусы обнаружены и на тазовых костях. Часть из них, возможно, использовалась для обшивки нижней части правого рукава (рис. 1,II:4). Это цилиндрическая бусина из глухого бирюзового стекла (тип 66) (рис. 2,22) (12, с.67); цилиндрическая бусина из стекла, цвет которого определить невозможно (рис. 2,27); бусина в форме параллелепипеда из прозрачного зеленого стекла (рис. 2,21); округлые бусы из прозрачного бесцветного стекла (2 экз., тип 17) (рис. 2,20) (12, с.65); удлиненные бугристые пронизи с металлической прокладкой (2 экз., тип 20) (рис. 2,23) (12, с.32). Другими бусами, найденными на тазовых костях, тоже, вероятно, украшались какие-то детали одежды (рис. 1,II:11). Среди них округлые бусы из синего прозрачного стекла (8 экз., тип 15) (рис. 2,3) (12, с.64-65); округлая бусина из глухого светло-зеленого стекла (тип 9) (рис. 2,4) (12, с.64); бусина из полупрозрачного синего стекла, состоящая из двух короткоцилиндрических, соединенных между собой (рис. 2,12); ромбовидная гагатова прони́зь с двумя параллельными каналами отверстий (тип 37) (рис. 2,5) (12, с.15,16).

Бусы тех типов, что обнаружены в могиле № 28, датируются очень широко: либо первыми веками нашей эры, либо даже всей античной эпохой. Некоторые хронологические ориентиры могут дать лишь бугристые пронизи с металлической прокладкой и, особенно, бусина в форме параллелепипеда, очень характерные для комплексов II-III вв.н.э. Использование многочисленных бус для украшения женской одежды — общепризнанная сарматская традиция.

Появление бронзовых "смычковых" фибул (рис. 2,2) А.К.Амброз относил к концу I - началу II в.н.э., широко они использовались весь II и III вв.н.э. (7, с.47). По данным Т.Н.Высотской, в могильнике Совхоз 10 "смычковые" фибулы

встречаются с монетами IV в.н.э. (16, с.96). В соответствии с нашими наблюдениями, во второй половине III в.н.э. "смычковые" фибулы используют гораздо реже, чем в предшествующее время. Их нет, например, в могильнике Дружное, где инвентарь второй половины III-IV вв.н.э. представлен разнообразными комплексами (17).

Бронзовые колокольчики (рис. 2,32,33) являются составной частью погребального инвентаря очень многих женских и детских погребений римского времени из Северного Причерноморья (18).

От налобного венца сохранилось шесть бронзовых пластинок с загнутыми длинными сторонами (рис. 2,31). На черепахе погребенного в могиле № 25 в Нейзаце обнаружено пять бронзовых пластинок с загнутыми длинными сторонами, причем все они украшены пунсонным орнаментом. Среди опубликованных крымских материалов таких вещей нет. Зато они найдены во многих раннесредневековых могильниках бассейна Оки, в области проживания летописной муромы. Там бронзовые детали венцов (исследователи окских древностей обычно называют их "обоймицами"), во многих случаях аналогичные нейзацким, входили в состав сложных женских головных уборов (19, с.33, табл. XIX, 10; XXIII, 18²; 20, с.116, 124, 125, 133, 135, 140, 142, рис. 52, 56, 58, 61, 62, 65, 68; 21, с.68, 75, рис. 3, 1). Крымские и приокские находки соответствуют друг другу даже в мелких деталях, поэтому трудно представить их конвергентный генезис. Приходится предполагать наличие какого-то, еще не выявленного, звена, связующего столь отдаленные во времени и в пространстве памятники.

Публикуемые могилы расположены рядом друг с другом и погребения в них вряд ли разделены значительным хронологическим промежутком. Захоронения были совершены, вероятно, во второй половине II или в первой половине III в.н.э. Именно в это время широко применялись все зафиксированные в могилах типы фибул. Во второй половине III в.н.э. иногда носили застежки старых форм (22, с.291), но в основном использовали иные образцы, изменились и наборы бус.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шульц П.Н. Исследования Неаполя скифского (1945-1950 гг.) // ИАДК. Киев, 1957.
2. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.
3. Chrapunov I.N. Necropoli di Neizac, distretto di Belogorsk // Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano, 1995.
4. Храпунов И.Н. Нейзац — могильник позднеримского времени в Центральном Крыму // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1997.
5. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Население Центрального Крыма в IV в.н.э. по материалам могильников // Византия и Крым: Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1997.
6. Khrapounov I., Mould S. La nécropole de Neizats // Noire la Crimée a l'époque des Grands Invasions IV-VIII siècles. Caen, 1997.
7. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.

² У обоймиц, найденных в Кузьминском могильнике, загнуты не длинные, как в Нейзаце, а короткие стороны. Однако в могилах 50 и 51 обнаружены ожерелья "из бляшек и подвесок" (19, с.95-96, рис. 22, 23). Бляшки — это те же обоймицы с загнутыми длинными сторонами и украшенные точечным орнаментом. Они очень близки нейзацким, особенно найденным в могиле № 25.

8. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2.
9. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
10. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.). М., 1993.
11. Абрамова М.П. Фибулы Хумаринского могильника (II-III вв. н.э.) // Историко-археологический альманах. 2. Армавир-Москва, 1996.
12. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
13. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
14. Хайрединова Э.А. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
15. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
16. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
17. Khrapounov I.N. Population des montagnes et piémonts de Crimée à l'époque romaine tardive (d'après le matériel de la nécropole de Droujnoe) // L'identité des populations archéologiques. Sophia Antipolis, 1996.
18. Морозовская Т.В. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
19. Спицын А.А. Древности бассейнов Оки и Камы. Вып. I. // МАР. СПб., 1901. №25.
20. Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году // Древности. М., 1914. Т. XXIV.
21. Дубынин А.Ф. О племенной принадлежности северной окраины Муромской земли // СА. 1966. №3.
22. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV в. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.

Приложение I.

М. Сансильбано-Коллилье Случай заболевания анкилозным спондилоартритом с некрополя Нейзац³

Анкилозный спондилоартрит — относительно редкое, воспалительное заболевание, затрагивающее в среднем 1 % населения (1). Поэтому палеопатологические наблюдения этого заболевания относительно редки и спорадически, несмотря на развитие палео-эпидемиологических исследований, основанных на систематическом изучении больших серий скелетов (2; 3). В могиле № 27 некрополя Нейзац обнаружен костяк с явными признаками заболевания, затронувшего осевой и придаточный скелет. Исследование данного случая интересно определением природы отмеченных патологических изменений и происхождения заболевания.

³ Автор приложения, антрополог Лаборатории медицинского факультета Университета г. Кан (Нормандия, Франция). Перевод с французского Э.А. Хайрединовой.

Описание повреждений.

Речь идет об относительно молодом мужчине. Обширные повреждения затрагивают позвоночный столб, ребра и тазовый пояс. Многочисленные подхондровые, двусторонние эрозии расположены на поверхностях суставов крестцово-подвздошного сочленения и доминируют со стороны суставов подвздошных костей. Эти изменения позволяют говорить о двустороннем воспалении крестцово-подвздошного сочленения. Следы кортикальной и разрастающейся костной эрозии наблюдаются в местах прикрепления сухожилий, на седалищных костях и задней части пяточной кости (в месте прикрепления ахиллесова сухожилия).

Позвоночный столб неполный, но на нем достаточно следов, чтобы отметить окостенение всей его связочной системы, каждый сегмент которой имеет поражения. Шейный отдел отсутствует. Наблюдается сращение межпозвоночных суставов (из-за окостенения передней продольной связки, верхне-позвоночных и межпозвоночных хрящей и желтых связок). Эрозивные повреждения отмечены на площадках тел грудных позвонков (с II по IV и с VIII по X), а также на межэпофизарных и ребро-позвоночных суставах. Синдесмофиты осуществляют полный анкилоз пяти поясничных позвонков, о чем можно судить на примере представленных IV и V позвонков. Диски сохраняют свою высоту, исключая IV и V поясничные позвонки, где присутствуют эрозивные повреждения.

Обсуждение.

Описанные повреждения, исходя из их характера (синдесмофиты и эрозивные повреждения) и расположения (крестец и подвздошные кости, задние суставы, тела позвонков), соответствуют морфологическим критериям анкилозного спондилоартрита (4). Речь идет о хроническом, воспалительном и прогрессирующем процессе с формированием синдесмофитов, ведущим к неподвижности суставов и затронувшим крестцово-подвздошные, межпозвоночные и реберно-позвоночные суставы, связочный аппарат позвоночника и тазовых костей. Эта болезнь характеризуется прогрессирующими болезненными ощущениями в области затылка, спины и грудной клетки, уменьшением их подвижности. Часто отмечаются поражения суставов корней членов (откуда и происходит его название "ризомелит"), а иногда также и периферических соединений.

Диагноз спондилоартроза не может быть установлен, ввиду отсутствия дискартроза с дискальным и остеофитическим защемлением. Последнее характеризуется при радиологическом исследовании широкой имплантацией, треугольным и горизонтальным развитием (1). Костные изменения, свидетельства воспалительного повреждения крестцово-подвздошных и межэпофизарных суставов, не говорят в пользу позвоночного гиперостоза анкилоза, при котором межпозвоночное окостенение передней продольной связки не находится, как в нашем случае, в тесном контакте с позвонком и диском. На представленных позвонках погребенного из Нейзаца, синдесмофиты затрагивают комплекс позвоночной оси, включая передние и боковые стороны тел позвонков. При гиперостозе, повреждения, в основном, дорсальные и расположенные на переднем правом боку. Указанные критерии для разделения анкилозного спондилоартрита и позвоночного гиперостоза анкилоза

при палеопатологической диагностике соответствуют применяемым в современной медицинской практике.

Интерес описанного случая заключается в диагностике повреждений и, особенно, в определении их происхождения. Согласно различным исследованиям, именно семейная наследственность, в 40-100 раз превосходит случайное распространение заболевания (1; 5). У большинства больных, пораженных анкилозным спондилоатритом (96 %), выражен антиген гистосовместимости HLA-B27, который также является элементом генетической восприимчивости большой силы (5). Знание о наследственности этого заболевания внутри населения, оставившего могильник Нейзац, позволяет, таким образом, выявлять возможные кровнородственные группы в этом сообществе. Палеопатологическое изучение населения, оставившего могильник Нейзац, было бы интересно для палеоревматологии и могло бы предоставить важные данные для палеоэпидемиологии, а также для палеодемографии древнего населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Resnick D., Niwayama G. Ankylosing spondylitis // *Diagnosis of bone and joint disorders*. Philadelphia, Saunders, 1988.
2. Rogers J., Watt I., Dieppe P. Paleopathology of spinal osteophytosis, vertebral ankylosis, ankylosing spondylitis and vertebral hyperostosis // *Ann. Rheum. Dis.*, 44:113-120. 1985.
3. Rothschild B.M., Woods R.J. Character of Precolumbian North American spondylarthropathy // *J. Rheumatol.* 19. 1992.
4. Spencer D.G., Park W.M., Dick H.M., Papazoglou S.N., Buchanan W.W. Radiological manifestations in 200 patients with ankylosing spondylitis: correlation with clinical features and HLA-B27 // *J. Rheumatol.* 6. 1979.
5. Gran J.T., Husby G. The epidemiology of ankylosing spondilitis // *Semin. Arthritis. Rheum.* 22. 1993.

I.N.KHRAPUNOV

TWO DITCH GRAVES FROM THE NECROPOLIS OF NEIZATS

Summary

The results of research of ditch graves N 27 and 28 located at the distance of 0,5 m from each other are published in this article. In grave 27 there were found the remains of a man maimed by some disease and a child; in grave 28 the remains of a woman. Not all the child's bones were put in the grave, though they were arranged in a relatively correct anatomic order. Burial inventory is dated (mainly by fibulas) back to the second half of the 2nd - the first half of the 3d centuries A.D. It is usual for Crimean cemeteries of this period. Bronze details of headband wreath (Fig. 2,31) is the only exclusion, the exact analogies are known in early-medieval cemeteries of the Oka river region.

In Appendix I the disease of the man buried in grave 27 is diagnosed as ankylosing spondilitis.